
С. Н. Гуськов
(ИРЛИ РАН)

Спортсмен, майонез и расшива
(из комментариев к роману
И. А. Гончарова «Обрыв»)

Для корректного понимания литературных текстов XIX века часто требуется не только историко-литературный и реальный, но и лингвистический комментарий. Произошедшие за два столетия перемены в русском языке, в том числе смысловые метаморфозы его лексики, часто делают текст, написанный на русском языке в XIX веке, непонятным современному русскоязычному читателю. Если читатель осознает эту непонятность, он может обратиться к научному комментарию или многочисленным справочным пособиям, и непонятный текст легко разъяснится. Но бывают более сложные случаи, когда лексика русского языка XIX века воспринимается читателем как хорошо знакомая и понятная, но на самом деле это впечатление ошибочно. В этом случае читатель не видит повода для обращения к справочникам и понимает смысл текста искаженно. Интересно рассмотреть такие случаи в произведениях И. А. Гончарова: его тексты входят в образовательный канон, включаются в хрестоматии, язык этого писателя считается образцовым. Но даже этот язык оказывается нам не всегда понятен.

Начнем с простого примера. Во второй части романа Марфинька и Райский стоят на берегу Волги и смотрят на проходящие корабли: «– Вот эти суда посуду везут,

говорила она, – а это расшивы из Астрахани плывут» (VII, 180).¹ Слово «расшива» ушло из языка вместе с объектом, который оно обозначало. Между тем по первому впечатлению оно воспринимается как знакомое, русское. Контекст не очень понятен, но, скорее всего, читатель подумает, что суда перевозят какие-то ткани или что расшива — это элемент декора самих судов. Расшивы были действительно часто затейливо декорированы, но само слово к вышивке и украшению отношения не имеет, оно заимствованное (от нем. *das Reiseschiff*, корабль). Так называлось в XVIII—XIX веках грузовое судно с большим парусом. При штиле или встречном ветре его тянули бечевой. Такое судно изображено на известной картине И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». Среди других волжских речных судов (белян, мокшан, унженок, шитиков, суряков, тихвинок и т. д.) расшивы выделялись богатой резьбой и живописью на корпусе. Современник сообщал, что у расшивы «<...> мачта имеет до 15 саж<еней> высоты и составляется из пяти дерев. Эти суда — самые красивые на Волге. Украшения их весьма затейливы. На носу обыкновенно рисуются глаза, либо сирены, либо иные чудовища, неведомые самим художникам, их рисовавшим, а борта изукрашены резьбой, около которой, кроме топора, не трудился никакой другой инструмент. Огромный парус расшивы, имеющий почти ту же ширину, что и высота мачты, наполненный ветром, быстро двигает судно вперед и поражает смелостию своих размеров. Расшивы ходят по всей Волге от Рыбинска и до Астрахани и поднимают груз от 5 до 20 тысяч пудов».²

Случай с расшивой относительно простой, и любое обращение к справочнику, если оно будет предпринято, легко разрешит первоначальное заблуждение. Но бывают более сложные случаи.

¹ Здесь и далее произведение цитируется по изд.: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997, с указанием страниц в тексте в круглых скобках.

² <Боголюбов Н. П.> Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862. С. 18.

В пятой части романа «Обрыв» мы узнаем, что однажды утром «за завтраком никто ничего не ел, кроме Козлова, который задумчиво и грустно один съел машинально блюдо майонеза, вздыхая, глядя куда-то в неопределенное пространство» (VII, 767).

Вроде бы в этом отрывке нет ничего неясного. Слово «майонез», хотя и опять заимствованное (от фр. *mayonnaise*), современному читателю известно и абсолютно понятно. Текст воспринимается носителем современного русского языка как юмористический, как довольно грубая насмешка над героем, который в задумчивости употребил непомерное количество очень вредного соуса и наверняка впоследствии страдал желудком. Между тем романная ситуация в этот момент совсем не располагает к такому грубоватому юмору. Козлов только что потерял жену, едва избежал гибели, его эмоциональное состояние очень драматично, и автор вряд ли может смеяться над ним таким образом. И, действительно, автор далек от такой мысли.

Что же мешает читателю корректно понять смысл текста? Слово «майонез» в языке XIX века имело несколько значений: так называли не только хорошо известный и сейчас соус, но также — и в первую очередь — холодное кушанье из рыбы или мяса под этим соусом.³ Словари иностранных слов дают такие определения: «Майонез (*фр.*) — род салата из холодной птицы и рыбы; заливное».⁴

³ См., напр., описание блюда «майонез из рябчиков» в кн.: *Александрова-Игнатъева П. П.* Практические основы кулинарного искусства: Руководство для кулинарных школ и для самообучения. 8-е изд. СПб., 1911. С. 613. См. также: «При конце месяца кухмистер дает кушанья лучше, порции больше; иногда изумляет неожиданно курицей, или вычурным пирожным, или майонезом из дичи, который он называет галантиром (*Гребенка Е. П.* Петербургская сторона (1844) // Физиология Петербурга. М., 1984. С. 121), и мн. др. Любопытно, что словари конца XX века еще по инерции фиксируют архаическое значение слова «майонез», но в НКРЯ употребление слова в таком значении в последние годы не фиксируется.

⁴ Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861. С. 287.

«Майонез — кушанье из холодной дичи или рыбы, политых сверху густым соусом из яичного желтка, уксуса, прованского масла и кроме того обложенное гарниром из овощей и мясного желе».⁵ В текстах русских писателей XIX века слово «майонез» употребляется именно в значении «кушанье».⁶ Леонтий Козлов съедает именно «блюдо майонеза», а не соус, который, естественно, отдельным блюдом не подавали. Важна ли для нас эта уточняющая информация? Да, безусловно. Козлов так занят своим горем, что механически поглощает пищу, но это пища употребительна, это не горчица и не уксус и не майонез в современном смысле. Знание о старом значении слова помогает нам правильно оценить эмоциональный регистр сцены, понять, что это не грубая насмешка, а, скорее, сочувственная улыбка. Если же мы прочтем эту фразу без учета семантического сдвига и будем считать, что Козлов съел тарелку соуса, то не только неверно оценим эмоционально-стилистическое содержание конкретного текстового фрагмента, но и вынуждены будем скорректировать представление о нравственных и эстетических позициях Гончарова, а следовательно, должны будем в обобщающих суждениях об этих позициях как-то учитывать его способность грубо насмеяться над страдающим «маленьким человеком». Между тем Гончаров на такое не способен, а обманчивое впечатление возникает только потому, что слово «майонез» утратило одно из своих старых значений. Увы, современный человек, читающий текст романа без специального комментария, скорее всего, этого тонкого

⁵ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. по энциклопедическому словарю Ф. Павленкова, с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. 3-е изд. Нью-Йорк, 1921. С. 324.

⁶ См.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 22. М., 1961. С. 110; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 6. М., 1951. С. 603; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 12, кн. 1. СПб., 1995. С. 65; *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) и др.]. М., 1965—1977. Т. 7. М., 1969. С. 35, 36.

различия не заметит и может неточно оценить не только смысл этой фразы, но и позицию писателя в целом.

Достоинны внимания комментатора классических текстов и случаи, когда хорошо известное в современном языке слово ранее имело другое значение.

Пример такого рода также обнаруживается в романе «Обрыв». В утверждении Бориса Райского «*Нимврод, этот прототип всех спортсменов*» современный человек, скорее всего, сочтет требующим комментария только имя собственное «Нимврод». Исходя из гончаровского текста, читатель вправе предположить, что Нимврод был знаменитым атлетом или в крайнем случае гладиатором. Но эти ожидания будут обмануты. Из общедоступных справочников читатель узнает, что царь Нимврод (или Нимрод), согласно легендам, был тираном, воителем, строителем Вавилонской башни, преследователем Авраама, охотником, а также ввел в обычай употребление мяса. Вроде бы ни одна из этих заслуг не дает ему права считаться «прототипом всех спортсменов». Может быть, Гончаров ошибся? Нет, не ошибся, а дело в том, что слово «спорт» приобрело современное значение не так уж давно, а в XIX веке означало забаву, игру, приятное препровождение времени (в первую очередь, охоту и ужение).⁷ Словари английского языка, из которого слово «sport» было заимствовано, определяют его как *game, diversion, frolic, mirth, mock*, а также *fowling, hunting and fishing*.⁸ В русском языке XIX века слова «спорт» и «спортсмен» употреблялись во многих из перечисленных значений, в том числе в значениях «охота» и «охотник» соответственно: «Невинные эти забавы (охота на животных не ради профессии. — С. Г.), называются спортом, забавники называются спортсменами, т. е. людьми, которым на земле

⁷ См.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 2. СПб., 1904. С. 305.

⁸ A Dictionary of the English language by Noan Webster. London, 1853. P. 956.

нечего больше делать, как только забавляться».⁹ Во «Фрегате „Паллада“», описывая природу Сингапура, Гончаров заметил: «Спортсменов еще не явилось для истребления зверей, а теперь пока звери истребляют людей» (II, 279). В значении «охотник» слово «спортсмен» встречается также в произведениях И. С. Тургенева.¹⁰ Царь Нимрод, еще в Библии упоминаемый как «сильный зверолов перед Господом» (Быт. 10:9), действительно мог быть назван прототипом всех охотников, или «спортсменов» в том значении, которое имело это слово в XIX веке. Но, поскольку слово «спортсмен» читателю обманчиво понятно, он, скорее всего, не станет выяснять, кто такой был Нимрод, и останется в полном неведении относительно судьбы слова «спортсмен» в русском языке.

В этом, как и в других описанных случаях, непонимание смысла отдельных слов ведет к ошибочному восприятию смысла всего классического произведения.

⁹ Григорович Д. В. Горькая доля. М., 1899. С. 11—12.

¹⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 10. М., 1982. С. 274.